

Российская академия наук
Институт восточных рукописей

Розенберговский сборник
Востоковедные исследования и материалы

Санкт-Петербург
2014

Печатается по решению Учёного совета ИВР РАН

Рецензенты:

доктор филологических наук И.В. Кульганек
доктор культурологии, проф. О. И. Даниленко

ББК 86.39
Р64

Р64 Розенберговский сборник: востоковедные исследования и материалы / Ред.-сост. Т.В. Ермакова; Институт восточных рукописей РАН. — СПб.: Издательство А. Голода, 2014. — 524 с. ISBN 978-5-94974-066-8

Сборник состоит из четырёх разделов: «Буддологические исследования», «Традиционные идеологии Востока», «Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика», «История востоковедения». Статьи, размещённые в первых трёх разделах, отражают промежуточные итоги и результаты исследований письменных памятников. В последнем разделе представлены комментированные публикации материалов из Архива востоковедов ИВР РАН и статьи об истории коллекций Азиатского музея — Института восточных рукописей РАН.

ISBN 978-5-94974-066-8

© Институт восточных рукописей РАН, 2014
© Авторы публикаций, 2014

Содержание

Введение. Письменные памятники и дискурс о Востоке в зеркале современных российских исследований	10
--	----

Буддологические исследования

Е.П.Островская. С.Ф. Ольденбург — организатор и методолог отечественной буддологической школы	22
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма первое — седьмое). Перевод с японского языка, комментарий, предисловие В. Ю. Климова	39
Письма Высокоумудрого Рэннэ (первая тетрадь, письма восьмое— пятнадцатое). Перевод с японского языка, комментарий В.Ю. Климова	76
А. В. Зорин. Антишиваитские мотивы в апологетических буддийских гимнах	104
П.Д. Ленков. О буддийском влиянии на даосскую мысль в позднесредневековом Китае: концепция «двух видов препятствий» в тексте «Лун мэнь синь фа»	118
П. Д. Ленков. Традиционные буддийские и даосские психофизические практики в Китае: перспективы антропологического подхода	131
С. Ю. Рыженков. Письменные памятники из Дуньхуана: буддийский канон	138
Е.А. Кий. Основные источники для изучения редкой иконографической формы Манджушри	144
И.С. Гуревич. Роль письменных буддийских источников для исследований в области исторической грамматики	155
Е. Ю. Харькова. Монастыри как часть буддийского сакрального ландшафта	168
Е.Ю.Харькова. Сакральный ландшафт в буддийской агиографии и «повествованиях о святых местах»	174

Традиционные идеологии Востока

- С.Л.Бурмистров.** Структура аргументации в первой части
Upadeśa-sāhasrī Шанкары 182
- С.Л. Бурмистров.** Религиозное сознание и понятие границы
в философии Рамануджи и Мадхвы 194
- Е.В.Столярова.** Титулы эпического Вишну
(анализ имён и практики их рецитации) 211
- Трактат «Шаттримшаттаттва-сандоха» Амритананды
с «Вивараной» Раджанакананды. Перевод с санскрита,
исследование, комментарии **В.П. Иванова** 219
- С.Х. Шомахмадов.** Эпитет аджита («Непобедимый»)
в индийской религиозной традиции 240
- М.Ю. Ульянов.** Структура «комментирующего комплекса»
Чуньцю Цзочжуань («Комментарий Цзо к Чуньцю»):
соотношение «исторического» и «каноноведческого» 248
- Г.С. Попова.** Шуцзин («Канон [исторических] документов»)
в I тыс. до н.э.: запись, передача и канонизации 271
- М.С. Целуйко.** «Пояснительные сочинения» как жанр памятников
общественной мысли периода Чжаньго (453–221 гг. до н.э.):
о сопоставлении формы текстов эпитафического
сочинения Хэ Лу и фрагмента традиционного памятника
антологического характера Го юй («Речи царств») 287
- А.С. Рысаков.** Ритуал совершеннолетия согласно
каноническому тексту И ли «Церемонии и ритуалы» 297
- Е.А. Островская, А.Ф. Горбачева.** Ислам как традиционная
религиозная идеология 313

Дискурс о Востоке и востоковедах: персоналии, подходы, проблематика

- Д.В. Возчиков.** Религии Индии и Юго-Восточной Азии
в отчёте венецианского путешественника Никколо Конти 336
- Д.В. Возчиков.** Философы или жрецы? Брахманы в описании
венецианского путешественника Никколо Конти 347

Л.Б. Четырова. Имение князей Тюменей в межкультурном ландшафте (по материалам письменных источников)	353
С.Д. Серебряный. О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения	365
А.С. Колесников, Ю.Н. Стрижак. Проблемы власти и политики в воззрениях кн. Э.Э. Ухтомского	377
П.И. Рысакова. Глобальное и локальное в восточно-азиатской социологии образования	395
Е.А. Островская. Россия и Китай в Центральной Азии: в поисках консенсуса	410

История востоковедения

С.Л. Бурмистров. Востоковедное наследие Генри Томаса Колбрука ...	416
В.П. и А.П. Шнейдер. Воспоминания о Минаеве Иване Павловиче. Предисловие, примечания, подготовка к публикации Т.В. Ермаковой	431
А.В. Зорин. М.И. Тубянский и Тибетский фонд Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР	450
Архивные материалы к биографии и деятельности М.И. Тубянского. Предисловие, примечания, подготовка к публикации М.Н. Кожевниковой	457
М.И. Воробьева-Десятовская. Языки и типы письма как аспект изучения буддийской коллекции индийского фонда ИВР РАН	491
Е.П. Островская. Буддийское рукописное историко-документальное наследие северной и северо-западной Индии в составе индийского фонда ИВР РАН	509
Об авторах	522

С.Д. Серебряный

О.О. Розенберг и судьбы российских японистов его поколения

Статья содержит краткие «сравнительные жизнеописания» О.О. Розенберга и нескольких других отечественных японистов прошлого столетия. О.О. Розенберг (1888–1919) был одним из плеяды блестящих российских японистов, появившейся во втором десятилетии XX в. Он был старшим в этой плеяде, и умер первым. Судьбы его коллег и друзей сложились по-разному.

Вторым по старшинству был Сергей Григорьевич Елисеев (1889–1975), первый европеец — выпускник Токийского университета. В 1920 г. он с семьёй бежал из России, жил во Франции, затем в США. Его называют основателем современной западной японистики.

Биографии Н.И. Конрада (1891–1970), Е.Д. Поливанова (1891–1938) и Н.А. Невского (1892–1937) более или менее известны, хотя ещё и не описаны должным образом.

Ровесник Невского Орест Викторович Плетнер (1892–1970) с 1917 г. работал в Японии. В начале 1930-х гг. тоже думал вернуться в Россию, но передумал и прожил в Японии долгую, плодотворную и, очевидно, достаточно благополучную жизнь университетского профессора. Он умер в один год с Конрадом и похоронен в городе Кобе, рядом со своей женой-японкой.

Владимир Михайлович Константинов (1903–1967), ученик Конрада, провёл в заключении «стандартные» восемнадцать лет (1937–1956), но в последние десять лет жизни всё же успел проявить себя в науке.

По сравнению с этими биографиями ранняя смерть О.О. Розенберга, может быть, не самая худшая доля.

Ключевые слова: российская японистика, русская эмиграция, О.О. Розенберг, С.Г. Елисеев, Н.И. Конрад, Е.Д. Поливанов, Н.А. Невский, О.В. Плетнер, В.М. Константинов.

Осенью 2011 г. меня пригласили участвовать в русско-французской конференции на тему «Транснациональная история компаративизма: сравнительно о сравнительном литературоведении». Я легкомысленно предложил тему для своего выступления: «Фантомная компаративистика: теория “Возрождения на Востоке” Н.И. Конрада». Для двадцатиминутного выступления материала у меня было предостаточно, потому что «Возрождение на Востоке» было почти частью моей собственной биографии. Но превратить то устное выступление в статью, предназначенную для печати, оказалось задачей гораздо более сложной, чем

я мог предполагать. Во-первых, относящихся к делу материалов выявилося гораздо больше, чем я ожидал. Во-вторых, выступал я на конференции почти с шутивным отношением к теме: вот, мол, было такое недоразумение, которое теперь можно вспомнить с улыбкой. Но чем больше я углублялся в тему, тем мучительней понимал, что здесь уместней не улыбка, а слёзы.

В нашем постсоветском настоящем мы можем подолгу не вспоминать о нашем советском прошлом — постольку, поскольку оно не вмешивается прямо в нашу сегодняшнюю жизнь. Но обращение к этому прошлому — с научными или с какими-либо иными целями — нередко оборачивается сильным эмоциональным потрясением («шоком», как теперь любят говорить). Казалось бы, мы уже узнали столько ужасного про это прошлое, что нас уже трудно чем-либо поразить. Однако мой опыт работы над той статьёй лишней раз показал мне, что «шоковый потенциал» советского прошлого ещё далеко не исчерпан.

От «марксистского» образования в моей памяти остались, среди прочего, две фразы Карла Маркса. Одна — из «Восемнадцатого брюмера Луи Бонапарта» (1852): «Традиции всех мёртвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых» (Маркс, 1957, с. 119) («Die Tradition aller todten Geschlechter lastet wie ein Alp auf dem Gehirne der Lebenden») (Marx, 1972, s. 115). Вторая — из введения к «К критике Гегелевской философии права» (1848): «Почему таков ход истории? Это нужно для того, чтобы человечество *весело* [в другом переводе — *смеясь*] расставалось со своим прошлым» (Маркс, 1955, с. 418) («Warum dieser Gang der Geschichte? Damit die Menschheit *heiter von ihrer Vergangenheit scheidet*») (Marx, 1976, s. 382). Мы бы и рады расстаться со своим советским прошлым весело и смеясь, но, похоже, мы ещё не оплакали его должным образом, и поэтому оно поистине «тяготеет, как кошмар» над нашими умами.

История российской японистики в XX в. — это, насколько я могу судить, часть нашего кошмарного советского прошлого, причём такая часть, которая ещё толком не описана.

Насколько мне известно, даже подробная биография Николая Иосифовича Конрада (1891—1970), едва ли не самого известного япониста советской эпохи, ещё не написана. (Впрочем, кто из наших учёных-гуманитариев, даже самых выдающихся, удостоился подробного биографического исследования?) А жизнь этого человека несомненно заслуживает подробного исследования и описания, потому что Н.И. Конрад был, бесспорно, и выдающимся учёным и незаурядным человеком. Помимо всего прочего, его научная деятельность, начавшаяся ещё до рокового 1917 г., продолжалась до последних десятилетий советского времени и отразила в себе все (во всяком случае — многие) изгибы и перегибы этого исторического периода. Биографии Н.И. Конрада и его коллег — важная часть той страшной истории «советской власти», которую историки только начинают расследовать и которая должна быть написана как ужасное назидание и предостережение потомству.

Н.И. Конрад принадлежал к той возрастной группе россиян, которые родились от начала 1880-х гг. (в отдельных случаях — в конце 1870-х гг.) до начала (середины?) 1890-х гг. Люди этих поколений успели вырасти, получить высшее образование и сложиться как личности ещё до 1917 (или даже до 1914) г., так что полученный «запас прочности» позволил многим из них (тем, кто не сломался и не погиб или не уехал в эмиграцию) выжить и даже ярко проявить себя в советские годы. Неслучайно именно эти поколения дали величайшие имена в русской поэзии XX в.: Александр Блок (1880–1921), Андрей Белый (1880–1934), Велимир Хлебников (1885–1922), Николай Гумилев (1886–1921), Владислав Ходасевич (1886–1939), Анна Ахматова (1889–1966), Борис Пастернак (1890–1960), Осип Мандельштам (1891–1938 — ровесник Н.И. Конрада!), Марина Цветаева (1892–1941), Владимир Маяковский (1893–1930), Георгий Иванов (1894–1958), Сергей Есенин (1895–1925). Из прозаиков достаточно вспомнить Михаила Бугакова (1891–1940 — ещё одного ровесника Н.И. Конрада!) и Исаака Бабеля (1894–1940).

Именно к этой возрастной группе принадлежит и плеяда «корифеев советского востоковедения»: В.А. Гордлевский (1876–1956), С.Е. Малов (1880–1936), А.Н. Самойлович (1880–1938), В.М. Алексеев (1881–1951), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Б.Я. Владимирцов (1884–1931), В.В. Струве (1889–1965), Е.Э. Бертельс (1890–1957)... К той же возрастной группе относились и такие известные учёные-гуманитарии, как Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), ещё один ровесник Н.И. Конрада, и Виктор Владимирович Виноградов (1894/1895–1969). Эти учёные, как правило, успели до 1917 г. поучиться в Московском или в Петербургском университетах, востоковеды успели даже побывать в изучаемых странах (до того как «клетка закрылась»).

Н.И. Конрад был самым младшим из плеяды «корифеев советского востоковедения». Он дожил до хрущёвской «оттепели» и даже до начала брежневского «застоя» и лично донёс до иных поколений (хотя порой и в искажённом виде) некоторые традиции дореволюционного востоковедения и вообще дореволюционной культуры.

Работая над статьей о «Восточном Возрождении», я осознал, что Н.И. Конрад, помимо прочего, оказался единственным выжившим на родине из блестящей плеяды японистов, появившейся в России как раз перед самой катастрофой 1917-го г. После злосчастной русской-японской войны 1904–1905 гг. в России резко возросли интерес к Японии и — что ещё важнее — уважение к этой стране и её культуре. Именно в это время начала складываться в нашей стране профессиональная академическая японистика. Кроме Конрада, можно назвать ещё по крайней мере пять человек, его сверстников и знакомых (если не друзей), которые стали заниматься Японией в начале 1910-х гг.

И первым по старшинству следует назвать именно Оттона Оттоновича Розенберга (1888–1919), прибалтийского немца, ученика С.Ф. Ольденбурга

и Ф.И. Щербатского¹. Получив разностороннее востоковедное образование на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета (1906—1911), он затем четыре года (1912—1916) провёл в Японии аспирантом Токийского университета. Вернувшись на родину, О.О. Розенберг 6 октября 1918 г. защитил магистерскую диссертацию по своей (ныне признанной классической) работе «Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам»² и стал первым в Петербургском (тогда уже Петроградском) университете доктором японского языка и литературы. В советское время обстоятельства смерти Розенберга были окружены туманом — наверное, умышленно. Но теперь мы знаем, как и где он умер. В конце октября 1919 г. Павловск, где жил Розенберг, был занят частями армии генерала Юденича. Уйдя вместе с отступавшими белыми, Розенберг (вместе с женой) добрался до Таллина — и умер там 26 ноября 1919 г. (см.: Ляэнеметс, 2006). Увы, значительная часть его научного архива погибла.

Вторым по старшинству следует назвать Сергея Григорьевича Елисеева (1889—1975), внука русского крестьянина и сына знаменитого хозяина «Елисеевских магазинов» в двух столицах³. В 1906 г. С.Г. Елисеев по совету С.Ф. Ольденбурга отправляется в Берлинский университет, чтобы заниматься Японией. Но уже в 1908 г. (опять-таки с помощью рекомендаций Ольденбурга) он поступает в Токийский университет, где учится до 1914 г. С.Г. Елисеев был первым европейцем — выпускником Токийского университета. По возвращении в Санкт-Петербург он преподаёт в университете, работает переводчиком в МИДе, готовит диссертацию по творчеству Басё. В 1920 г. выходит едва ли не единственная публикация С.Г. Елисеева на русском языке: краткий очерк истории японской литературы⁴. По свидетельству Людмилы Михайловны Ермаковой, эта работа, не слишком популярная в советское время, предопределила понимание истории японской литературы в России (и, может быть, не только в России) на весь XX в.⁵ В 1920 г. С.Г. Елисеева арестовали, но, к счастью, отпустили. Очевидно, решив не искушать более судьбу, он вместе с семьёй бежит

¹ Об О.О. Розенберге, его жизни и трудах см.: Игнатович, 1991; Ермакова, 2011; см. также страницы (на трёх языках) в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Розенберг,_Оттон_Оттонович

² См. первое издание: Розенберг, 1918 — и переиздание: Розенберг, 1991.

³ См. о нём: С.Г. Елисеев и мировое японоведение, 2000; Алпатов, 2000; Ермакова, 2005, с. 104—132; а также страницы в Википедии на семи языках: http://ru.wikipedia.org/wiki/Елисеев_Сергей_Григорьевич

⁴ См.: Елисеев, 1920.

⁵ См.: Ермакова, 2005, с. 128—146. «...Идеи и обобщения, представленные в этом давнишнем... труде, проникли в самый фундамент российского и западного японоведения, во многом став чем-то естественным и самоочевидным, словно заложенным в природе вещей» (там же, с. 130).

за границу. Живёт и работает сначала во Франции, потом, в начале 1930-х гг., перебирается в США, где многие годы преподаёт японский язык и литературу в Гарварде. Как пишет та же Людмила Михайловна Ермакова, «по его учебникам японского языка занималось несколько поколений американских студентов. Он воспитал многих выдающихся современных японоведов Запада...» (Ермакова, 2005, с. 129). Одним из учеников С.Г. Елисеева был знаменитый востоковед Эдвин Рейшауэр (Edwin O. Reischauer, 1910–1990), в 1961–1966 гг. — посол США в Японии. В статье, посвященной учителю, Э. Рейшауэр называет его основателем западной японистики (см. Reischauer, 1957. Ермакова, 2005, с. 128). Два сына С.Г. Елисеева: Никита (1915–1997) и Вадим (1918–2002) также стали видными (французскими) востоковедами, первый — арабистом, второй — специалистом по истории стран Дальнего Востока (см. Мнухин и др., 2008).

Ровесником Н.И. Конрада и личностью экстраординарной (отчасти, очевидно, и патологической⁶) был Евгений Дмитриевич Поливанов (1891–1938)⁷. О нём написано уже довольно много. Здесь можно ограничиться выпиской из Википедии:

Евгений Дмитриевич Поливанов (1891, Смоленск — 1938, Московская область) — русский и советский лингвист, востоковед и литературовед. Один из основателей ОПОЯЗа, участник Гражданской войны, в конце 1917 — начале 1918 гг. — заведующий Восточным отделом Наркомата иностранных дел РСФСР и один из двух заместителей Л.Д. Троцкого, сотрудник Коминтерна, профессор ряда университетов, активный критик марризма. Один из основоположников советской социолингвистики и исторической фонологии, создатель оригинальной теории языковой эволюции, автор множества работ по языкам Востока (в частности, создатель используемой ныне русской транскрипции для японского языка) и Средней Азии, разработчик методик обучения русскому языку нерусских, участник языкового строительства. Был арестован 1 августа 1937 г. по обвинению в шпионаже в пользу Японии. На суде виновным себя не признал. 25 января 1938 г. был расстрелян и похоронен на полигоне «Коммунарка». Реабилитирован 3 апреля 1963 г.⁸

К этому стоит ещё добавить, что в 1914, 1915 и, возможно, в 1916 гг. Е.Д. Поливанов ездил в Японию, где занимался сбором сведений о различных

⁶ Помимо всего прочего, Е.Д. Поливанов был, по свидетельству Виктора Шкловского, достаточно близко его знавшего, наркоманом. См.: Из следственного дела Е.Д. Поливанова, 1997, с. 137–138 (в интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vostok/1997/5/124-142.pdf>).

⁷ О нём см.: Леонтьев А.А., 1983; Ларцев, 1988; Алпатов, 2012, с. 71–93, а также страницы в Википедии на девяти языках: http://ru.wikipedia.org/wiki/Поливанов,_Евгений_Дмитриевич

⁸ См.: Из следственного дела Е.Д. Поливанова, 1997, с. 124–142.

японских диалектах и, помимо всего прочего, встречался с О.О. Розенбергом и Н.И. Конрадом.

Годы жизни и смерти Е.Д. Поливанова совпадают с годами жизни и смерти О.Э. Мандельштама.

Другом и почти ровесником Конрада был ещё один выдающийся лингвист — Николай Александрович Невский (1892—1937)⁹. Окончив в 1914 г. Санкт-Петербургский университет, он в 1915 г. был послан на стажировку в Японию (где некоторое время жил в одном доме с О.О. Розенбергом и Н.И. Конрадом; встречался с Е.Д. Поливановым). Срок его стажировки истек 1 декабря 1917 г. Но из Петрограда пришло письмо от учителя, будущего академика В.М. Алексеева (1881—1951), датированное 2/15 ноября: «Не ездите в позорную страну до окончания её судеб... Каждый чувствует себя как бы накануне своей гибели. Россия перестала быть государством. Здесь чёрт знает что происходит. Кроме насилия, ничего. Жду бесславной, глупой смерти от солдата-хулигана и махнул рукой на работу... Вы — лучший из моих учеников. В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее... Если больше не увидимся, обнимаю Вас крепко и желаю Вашей жизни большего смысла и большего успеха, чем выпало на долю мне, но я счастлив был и остаюсь тем, что Вы были моим учеником» (Алпатов, 2012, с. 124). Невский остался в Японии, успешно там преподавал и занимался научно-исследовательской работой (в самой Японии, а также в Китае и на Тайване), в 1922 г. женился на японке, у него родилась дочь Елена. Но в 1929 г., поддавшись уговорам друзей и коллег, в том числе и Н.И. Конрада, Невский вернулся в Ленинград (жене и дочери разрешили приехать лишь в 1933 г.). В Ленинграде Невский много преподавал и занимался научной работой, в частности, разбирал фонд тангутских документов. Но в начале октября 1937 г. учёный был арестован и вскоре расстрелян как японский шпион. Расстреляли и жену-японку. Дочь Елену сначала взял на воспитание Конрад, потом — родственники Невского. В 1957 г. Невского и всех его подельников реабилитировали. В 1960 г. вышла в свет книга «Тангутская филология», за которую Невскому в 1962 г. посмертно была присуждена Ленинская премия. Всё это происходило, как пишет В.М. Алпатов, «при активном участии Конрада» (к тому времени — академика): «Вероятно, он чувствовал свою косвенную вину в гибели друга, которого уговорил вернуться на родину, и хотел хоть чем-то её [то есть вину — С.Д.С.] загладить» (там же, с. 134).

Судьба ещё одного друга и коллеги Конрада, Ореста Викторовича Плетнера (1892—1970), сложилась более счастливо¹⁰. Он тоже учился на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета и в 1916 г., ещё будучи студен-

⁹ О нём см. Громковская, Кычанов, 1978; На стёклах вечности..., 1996, с. 239—560; Алпатов, 1996; 2012, с. 121—136, а также страницы в Википедии на трёх языках (русском, английском и японском): http://ru.wikipedia.org/wiki/Невский,_Николай_Александрович

¹⁰ О нём см. Ермакова, 2005, с. 219—269.

том, поехал в Токио в качестве переводчика-практиканта при российском посольстве. Летом 1917 г. он приехал в Петроград, сдал выпускные экзамены на звание магистра и сразу снова отправился в Японию, получив там должность атташе посольства. На родину он уже никогда не вернулся. До 1922 г., то есть до признания Японией новой власти в России, Плетнер состоял в бывшем посольстве. После недолгой поездки в Западную Европу он с 1923 г. стал преподавать разные лингвистические дисциплины в японских университетах. Но с родиной связи до поры до времени сохранялись. «В 1935 г. в антологии “Литература Китая и Японии” был опубликован выполненный Плетнером первый перевод одного из выдающихся произведений японской классики — “Путевые записки из Тоса” («Тоса никки») Ки-но Цураюки. По безупречной филологической точности, продуманности, по остроумию и изяществу прозы перевод этот до сих пор можно считать непревзойденным» (Санович, 2006, с. 282. См. Ки-но Цураюки, 1935. См. также: Горегляд, 1983). В начале 1930-х гг. Конрад в письмах убеждал Плетнера вернуться на родину и даже устроил ему приглашение. Но после переговоров в советском консульстве в г. Кобе в 1933 г. Плетнер, к счастью, раздумал репатриироваться. В лучшем случае он оказался бы в тюрьме и/или лагере, как Конрад. В худшем, как Невский и Поливанов, получил бы пулю в затылок. А в Японии прожил долгую, плодотворную и, очевидно, достаточно благополучную жизнь университетского профессора и умер в один год с Конрадом¹¹. Похоронен Орест Плетнер в городе Кобе, где он многие годы жил и преподавал, рядом со своей женой-японкой (Ермакова, 2005, с. 129)¹².

По сравнению с пятью судьбами его друзей и коллег-японистов какой следует считать жизнь Н.И. Конрада?¹³ Наверное, сравнительно удачной. В 1912 г. он окончил Санкт-Петербургский университет и в 1914—1917 гг. учился в Токийском университете. В Петроград он вернулся в июле 1917 г. На улицах стреляли, и молодой учёный счёл за лучшее уехать к родителям в Орёл. В 1918 г. он снова в Петрограде, и Е.Д. Поливанов привлекает его к работе в НКВД и Коминтерне.

¹¹ Среди эмигрантов из России в XX веке востоковеды составляют, вероятно, лишь относительно небольшой процент. Однако абсолютное число востоковедов-эмигрантов довольно значительно. См., например: Российское научное зарубежье, 2010.

¹² См. также в интернете: http://www.rusconsul.jp/hp/ru/community/tombs/persons/Kobe/19700129_Pletner.htm

¹³ Уже в советское время о Конраде было написано немало. См., например: Брагинский, 1967; [Редколлегия], 1974; Иванов, 1973. Публикации советского времени полны характерных умолчаний и полуправд. Так, даже в некрологе Вяч.Вс. Иванова обойдены молчанием арест и отсидка Конрада. И постсоветская литература о Конраде уже довольно обширна. См., например: Николай Иосифович Конрад, 1994; Милицанд, 1995, с. 588—590; Алпатов, 1996; Сорокина, 1995; Джарылгасинова и Сорокина, 1999; Люди и судьбы, 2003 (О Конраде: <http://memory.pvost.org/pages/konrad.html>). Алпатов, 2012. В Википедии о Конраде есть страницы на трёх языках: русском, японском и эстонском (!): http://ru.wikipedia.org/wiki/Конрад,_Николай_Иосифович

Но Конрад в отличие от своего друга в те годы явно предпочитал держать дистанцию от «советской власти». Он снова уезжает в Орёл и становится там ректором местного университета. В единственном выпуске «Записок» университета Конрад публикует свой перевод с японского «Записок из кельи» («Ходзёки») Камо-но Тэмэя, автора XIII века. В 1922 г. Конрад возвращается в Петроград, живет и работает в этом городе вплоть до ареста в 1938 г.

«К моменту возвращения Н.И. В Петроград, — пишет В.М. Алпатов не без скрытой иронии, — там почти не осталось японистов: кто умер, как О.О. Розенберг, кто оказался за границей, как Н.А. Невский и С.Г. Елисеев, кто жил далеко, как Е.Д. Поливанов, заброшенный судьбой в Ташкент. Конрад сразу же занимает главное место в этой дисциплине... В 1934 г. он первым среди японистов стал членом-корреспондентом АН СССР» (Алпатов, 2012, с. 102). А вот отрывок из статьи В.С. Сановича: «В силу разных причин, как научных, так и вненаучных, а именно из-за той трагедии, через которую прошла наша культура после октябрьского переворота (в японоведении это началось с гибели... О.О. Розенберга и вынужденной эмиграции С.Г. Елисеева, запечатлевшего свое имя в истории науки трёх стран), в центре петербургского этапа японоведения оказались личность и труды Н.И. Конрада» (Санович, 2008, с. 247–248).

В 1927 г. Конрад ещё раз (последний) побывал в Японии — вместе с молодой женой, тоже японисткой, Наталией Исаевной Фельдман (1903–1975). В 1927 г., наверное, могло казаться, что «советская власть» постепенно превращается в нечто более приличное. «Леваков» Троцкого, Зиновьева и Каменева отстранили от власти «умеренные» и «крепкие хозяйственники» Сталин и Бухарин. Наверное, поэтому Конрад, будучи в Японии в 1927 г., уговаривал своего друга Невского вернуться на родину. Труднее понять, как мог Конрад в 1933 г. уговаривать вернуться Ореста Плетнера. Сам Конрад, по-видимому, полагал, что он вполне вписался в новую систему. Как уже сказано, в 1934 г. он стал членом-корреспондентом АН. Но вскоре стало ясно, что система легко уничтожала не только «чужих», но и тех, кто причислял себя к «своим» («нашим»). Летом 1938 года дошел черёд и до Конрада. Разумеется, его обвинили в том, что он — японский шпион. В статье о Конраде в книге «Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991)» читаем: «Ведшие дело К[онрада] зам. нач. отдела УНКВД ЛО Голуб, следователь Трухин, нач. отдела Соловьев, сотр. Гаркавенко, Слепнев и др. систематически избивали его, держали по несколько часов в “стойке”. К. дважды отказывался от данных под пытками показаний» (Люди и судьбы. 2003, с. ???)¹⁴. Однако одна из составителей этой книги, М.Ю. Сорокина, в личном письме сообщила мне, что приведенные сведения взяты из устного предания и пока не имеют документального подтверждения, поскольку след-

¹⁴ См. электронную версию статьи о Конраде в интернете: <http://memory.pvost.org/pages/konrad.html>

ственное дело Конрада еще не изучено. Так или иначе, Конрад был осужден на пять лет лагерей (пик террора уже был позади) и отправлен в лагерь около города Канска в Красноярском крае. В отличие от других «сидельцев», Конрад не оставил личных воспоминаний о своей лагерной жизни и, по-видимому, вообще не любил вспоминать об этом.

В лагере Конрад провёл «всего лишь» несколько месяцев. Жену его к счастью, не арестовали, и она нашла влиятельных заступников. В начале 1940 г. Конрада перевели во Внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке, где его продержали без малого полтора года. В эти месяцы он переводил с японского и китайского «перехват», но много занимался и научной работой. В сентябре 1941 г. его и вовсе освободили. Практически сразу Конрад вернулся к преподаванию и науке, но уже не в Питере, а в Москве. После смерти Сталина (в 1958 г.) он даже стал академиком¹⁵.

В этом ряду биографий стоит вспомнить биографию ещё одного япониста — Владимира Михайловича Константинова (1903—1967), младшего современника О.О. Розенберга и Н.И. Конрада. Но Константинов представлял уже другое поколение и даже, по-видимому, другой социальный слой. Он успел поучаствовать в гражданской войне в 1921 г. и даже стал членом РКП(б). В 1923—1927 гг. Константинов учился в Московском институте востоковедения. Одним из его учителей был Н.И. Конрад. В 1927—1933 гг. Константинов работал в советском посольстве в Токио и какое-то время посещал занятия в университете Васэда. В 1938 г., уже в Москве, Константинов был арестован как «японский шпион». К счастью, его не расстреляли, но его несвобода длилась 18 лет. Правда, большую часть этого времени он провёл в «шарашках» в Чите и Хабаровске, расшифровывая японские военные секретные бумаги. И только в 1956 г. вернулся к семье. О судьбе Константинова я читал и раньше, но недавно познакомился с его сыном, Алексеем Владимировичем Постниковым, учёным-географом и президентом Международного Центра Рерихов. Алексей Владимирович родился в 1939 г., уже после ареста отца, и познакомился со своим отцом гораздо позже. А сам Константинов на свободе прожил ещё более десяти лет и, помимо всего прочего, в конце 1950-х гг. исследовал обнаруженную им в Ленинке японскую рукопись под названием «Сны о России» — и в 1960 г. защитил по этой работе докторскую диссертацию. Горько думать, сколько бы этот человек мог сделать, если бы не просидел в заключении 18 лет!

¹⁵ Столь причудливая судьба — не исключение в советской истории. Были и другие гуманитарии, которые в то или иное время сидели и/или ссылались (или по крайней мере арестовывались), а после ссылки или отсидки становились весьма видными фигурами в науке или успешно продолжали нучную деятельность, прерванную арестом. Вот ещё лишь несколько наиболее известных имён: В.М. Жирмунский (1891—1971), В.В. Виноградов (1894/1895—1969), М.М. Бахтин (1895—1975), Л.Е. Пинский (1906—1981), Д.С. Лихачев (1906—1999), Е.М. Мелетинский (1918—2005). В области естественных наук и техники достаточно вспомнить создателя ракет С.П. Королева (1906/1907—1966).

Литература

Алпатов В.М. «Колоссальный продуктор» // Русское подвижничество. К 90-летию Д.С. Лихачева. М., Наука, 1996.

Алпатов В.М. Предисловие // Николай Конрад. Неопубликованные работы. Письма / Составители М.Ю. Сорокина, А.О. Тамазишвили. Ответственные редакторы В.М. Алпатов, А.И. Клибанов. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996а.

Алпатов В.М. Сергей Григорьевич Елисеев // С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной научной конференции. М., 2000, с. 12–24.

Алпатов В.М. Языковеды, востоковеды, историки. М., Языки славянских культур. 2012.

Брагинский И.С. Более полувека в научном строю // Историко-филологические исследования. Сб. статей к семидесятипятилетию академика Н.И. Конрада. М., Наука (ГРВЛ), 1967, с. 3–9.

Горегляд В.Н. Ки-но Цураюки. М., Наука (ГРВЛ), 1983 (Серия «Писатели и ученые Востока»).

Громковская Л.Л., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М., Наука (ГРВЛ), 1978.

Джарылгасинова Р.Ш., Сорокина М.Ю. Академик Н.И. Конрад. Неизвестные страницы биографии и творческой деятельности // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М., Изд. Фирма «Вост. Лит-ра», 1999, с. 99–234.

Елисеев С.Г. Японская литература // Литература Востока. Вып. 2. Петроград, 1920.

С.Г. Елисеев и мировое японоведение: Материалы международной научной конференции. М., 2000.

Ермакова Л.М. Вести о Япан-острове в стародавней России и другое. М., Языки славянской культуры, 2005.

Ермакова Т.В. О.О. Розенберг о диалоге культур Европы и Азии // Четвертые востоковедные чтения памяти О.О. Розенберга. Доклады, статьи, публикации документов. СПб., 2011, с. 14–26.

Иванов В.В. Памяти Николая Иосифовича Конрада [Некролог] // Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 313. Труды по востоковедению. II. Tartu, 1973, с. 496–499.

Игнатович А.Н. О.О. Розенберг и его труды по буддизму // Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., Наука (ГРВЛ), 1991.

Из следственного дела Е.Д. Поливанова / Предисловие, публикация и комментарии Ф.Д. Ашнина и В.М. Алпатова // Восток. 1997, № 5, с. 137–138 (в Интернете: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/vostok/1997/5/124-142.pdf>).

Ки-но Цураюки. Путевые записки из Тоса (Японский дневник X века) / Пер. с яп., вступ. ст. и прим. О.В. Плетнера // Восток. Сб. 1. Литература Китая и Японии / Ред и вступ. ст. Н.И. Конрада. Academia, 1935.

Ларцев В.Г. Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности. М., Наука, 1988.

Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М., Наука, 1983.

Люди и судьбы. Библиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Изд. подготовили Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., Петербургское востоковедение, 2003.

Ляэнеметс М. Буддолог Оттон Оттонович Розенберг и Эстония // Таннберг Т., Раун О. TUNA. Спецвыпуск по истории Эстонии с 17 по 20 век. Таллинн, Национальный архив Тарту-Таллинн. 2006. С. 92–103. (в интернете: http://www.eha.ee/raamatud/Tuna/lk92-103%20Laanemets%20Tuna_vene.pdf).

Маркс К. Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. т. 8. М., Издательство политической литературы, 1957. (Напечатано в виде первого выпуска журнала «Die Revolution», New-York, 1852). См. электронную версию в интернете: <http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/18br/18br-01.html>

Маркс К. К критике Гегелевской философии права // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. т. 1. М., Издательство политической литературы, 1955. См. электронную версию в интернете: <http://dparchives.narod.ru/marx/tom01.htm#s014>

Милибанд С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. 2е изд. Книга 1. М., Наука, 1995.

Мнухин Л. и др. Российское зарубежье во Франции 1919–2000. М., Наука, 2008.

На стёклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии // Петербургское востоковедение. Выпуск 8. СПб., Центр «Петербургское востоковедение», 1996. С. 239–560.

Николай Иосифович Конрад, 1891–1970 / Сост. Р.И. Кузьменко, вступ. ст. И.А. Боронина. Материалы к библиографии ученых. РАН, Серия Литературы и языка. М., Наука, 1994.

[Редколлегия] Выдающийся учёный Н.И. Конрад // Историко-филологические исследования. Сб. статей памяти академика Н.И. Конрада. М., Наука (ГРВЛ), 1974, с. 3–11.

Розенберг О.О. Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам. Ч. 2. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918.

Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., Наука (ГРВЛ), 1991.

Российское научное зарубежье: Материалы для библиографического словаря. Вып. 3. Востоковедение: XIX — первая половина XX в. / Авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., Дом Русского Зарубежья им. Александра Солженицына, 2010.

Санович В.С. Из истории русских переводов японской художественной литературы // Восточная классика в русских переводах: обзоры, анализ, критика. М., Восточная литература, 2008.

Сорокина М.Ю. Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные учёные Академии наук СССР. М., Наука, 1995, с. 128–143.

Маркс К. Der achtzehnte Brumaire des Louis Bonaparte // Karl Marx/Friedrich Engels. Werke, Band 8. Berlin/DDR, Dietz Verlag, 1972. S. 115–123. См. электронную версию в интернете: http://www.mlwerke.de/me/me08/me08_115.htm

Маркс К. Zur Kritik der Hegelschen Rechtsphilosophie. Einleitung // Karl Marx/Friedrich Engels. Werke. Band 1. Berlin/DDR: Dietz Verlag, 1976. S. 378–391. См. электронную версию в интернете: http://www.mlwerke.de/me/me01/me01_378.htm

Reischauer E.O. Serge Elisséeff // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1957. Vol. 20. № 1/2. P. 1–35.

Summary

S.D. Serebriany

O.O. Rosenberg and the Fates of Russian Japanologists of His Generation

The paper contains short «parallel lives» of O.O. Rosenberg and some other Russian Japanologists of the past century. O.O. Rosenberg (1888–1919) was one of the stars in the brilliant galaxy of Japanologists which appeared in Russia in the second decade of the 20th century. He was the eldest in the group, but was the first to die. The lives of his colleagues and friends followed various courses.

Next in age was Sergei Grigorievich Elissëeff (1889–1975), the first European to graduate from Tokyo Imperial University (in 1914). In 1920 he fled from Russia together with his family, lived for some time in France, then moved to the USA. He is considered the founder of modern Japanese studies in the West.

The biographies of Nikolai Iosifovich Konrad (1891–1970), Yevgeny Dmitrievich Polivanov (1891–1938), and Nikolai Aleksandrovich Nevsky (1892–1937) are more or less known, even though they have not yet been properly described.

Nevsky's peer Orest Viktorovich Pletner (1892–1970) worked in Japan since 1917. In the early 1930-s he also (like N.A.Nevsky) considered the possibility of returning to Russia, but changed his mind and lived in Japan a long, fruitful and, evidently, quite happy life of a university professor. He died, like Konrad, in 1970 and was buried in the city of Kobe, close to his Japanese wife.

Vladimir Mikhailovich Konstantinov (1903–1967), a pupil of Konrad, spent in prison the «standard» eighteen years (1937–1956), but during the last ten years of his life managed to do a lot as a Japanologist.

In comparison with these lives, the early death of O.O. Rosenberg was, perhaps, not the worst fate.

Key words: Japan studies in Russia, Russian émigrés after 1917, O.O. Rosenberg, S.G. Elissëeff, N.I. Konrad, Ye.D. Polivanov, N.A. Nevsky, O.V.Pletner, V.M. Konstantinov.